

Костючук Лариса Яковлевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Псковского государственного
университета

**ОТВЕТСТВЕННЫ ЛИ МЫ ЗА ТО,
«КАК НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЁТСЯ»
(ПОМНИТЬ ОБ «АВТОРИТЕТЕ ИСТОЧНИКА»)**

Подготовленный и донесённый до слушателей доклад – это объективно не статья: и по отбору (не только качественному, но и количественному) материала для сообщения, и по форме донесения желаемого до слушателей и читателей... Сохраняя общее направление разговора (судьба родного языка), добавим подзаголовок «(помнить об "авторитете источника")».

Многие филологи, русисты, гуманитарии, равнодушные к родному языку, его носители особенно периода последних двух десятилетий XX – начальных двух десятилетий XXI века обеспокоены будущим русского языка, поскольку политические, государственные, экономические, общественные и культурные условия оказались в разной степени изменёнными. И язык, ***будучи естественной знаковой системой***, как средством общения, под влиянием внешних условий («***внешняя лингвистика***», по Ф. де Соссюру [6, с. 59-61]) стал испытывать это и, естественно, несколько меняться. Почувствовав и наблюдая происходящее, понимающие люди «забили тревогу» и задумались, **как можно и можно ли вообще** противостоять этому. В такой ситуации подчас до истерики дошли многие выступления в разных средствах коммуникации (передачи на радио, выступления по телевидению, публикации в печати): ведь «***гибнет русский***

язык», вводятся иностранные слова, прежде всего английские; собираются *реформировать* русский язык. В последнем случае очень сильные нападки и обвинения звучат именно в адрес лингвистов. И. т. д.

Беда в том, что появились, увы, фактически не просвещённые в лингвистике новые журналисты, дикторы... Они путали два явления (и продолжают путать до сих пор). С одной стороны, язык как народное достояние, возникшее когда-то «*само по себе*», а не «*извне*», развивающееся *по своим законам*, а не по воле каких-то отдельных личностей, специалистов, правителей или врагов. (Это «*внутренняя лингвистика*», по Ф. де Соссюру [6, с. 59-61].)

С другой стороны, путали несведущие давно готовившуюся так называемую «*реформу орфографии и пунктуации русского языка*» для урегулирования известных даже школьникам *правил письма – письменной речи*. Но письмо – не язык (!) (это «*около языка*»), оно существует для того, чтобы люди могли, общаясь *по-русски*, передать необходимое другим грамотно *буквами и знаками пунктуации*. *Письменная передача речи* – это «*искусственная знаковая система*», касающаяся цивилизованного общества, как, например, и *знаки перехода, знаки движения, звонок* в учебных заведениях, в театре, когда-то на железнодорожных станциях и многое-многое другое, что окружает человека и помогает ему в жизни. Искусственные знаки *изобретает, изменяет* именно человек (вспомним святых Первоучителей славян Кирилла и Мефодия). Но для того, чтобы **изменить** что-то в официальных общественных искусственных знаках, необходимы распоряжения руководителей учреждений (например, Министерства просвещения, Академии наук в 1956-1957 гг. для частичной реформы правил правописания, которыми пользуемся и руководствуемся до сих пор [4]. См. и недавнее под грифом Академии наук пособие – уточнение правил под ред. В. В. Лопатина [5]).

Такой экскурс мне потребовался под влиянием одной передачи на радио «Россия» буквально несколько дней назад. Почему-то журналисты-ведущие взяли для обсуждения букву Ё (ё) (видимо, потому, что перед этим несколько раз в официальных вестях передали, что при участии президента было решено вер-

нуть право использовать эту букву на письме. Журналисты пригласили и эксперта – специалиста в области письменности. Слушая передачу, я, увы, удивлялась и расстраивалась: из двух опытных по времени работы на радио ведущих, особенно женщина, постоянно на всю страну допускала такие грубые ошибки по существу предмета передачи, как путаница письма (знак, буква) и языка (звук, звуки)?! Не давал покоя справедливый вопрос: почему не было подготовки по теме? Хорошо, что эксперт не раз тактично пытался исправлять *«авторитетное вещание»* неграмотного в вопросе передачи ведущего...

Вспомним роль «авторитета источника» относительно языка.

Термин был введён К. С. Горбачевичем, одним из известных специалистов по нормам русского литературного языка, как один из признаков нормы [1]. Это один из признаков понятия нормы – очень трудного для понимания и определения, формулирования. И когда речь заходит о каком-нибудь волнующем явлении русского языка, влияющем на его судьбу, хочется снова почитать, посмотреть, вспомнить работы именно авторитетных учёных А. А. Шахматова, Д. С. Лихачёва, Б. А. Ларина, Вяч. В. Иванова и многих других по общим и частным вопросам лингвистики: важны их наблюдения и по древнему, и по современному языку. В связи с судьбой современного языка авторитетом является и М. Кронгауз.

Мы уже назвали заботы о языке *«сегодняшнего дня»*: это тоже *«наболевшее»*, как и *«вечные глаголы»* (о чём приходилось нам уже говорить и писать, но в другом аспекте). Нынешнее касается *«пополнения»* лексического состава русского языка. Наиболее часты три явления. Во-первых, появление новых *англицизмов* в разных сферах литературного языка. Во-вторых, использование давно освоенных слов общекультурного *интернационального* фонда в неожиданных новых значениях в непривычных контекстах, что тоже затрудняет понимание при устной и письменной коммуникации. В-третьих, присваивание некоторым русским словам со славянскими или даже общеиндоевропейскими корнями нового значения от другого, тоже русского слова, что, естественно, прежде всего у старших поколений но-

сителей языка (подчеркнём, не у нынешних молодых людей!) вызывает удивление и недоумение.

Анализ подобных явлений заставляет задумываться и надеяться на силы и стойкость языка как единственной естественной знаковой системы, «живущей» по своим законам и умеющей выбирать и отбирать нужное для себя.

Приведём в данном разговоре о судьбах языка нашего периода только некоторые примеры на каждую из трёх линий-явлений «неблагополучия» (или «неизбежности»?) у средства нашего общения.

«*Пополнение*» в лексике за счёт изменений между русскими по происхождению словами (3-е явление) подтверждает слово *зачитáть*. Обратимся хотя бы к самому востребованному, известному «*Толковому словарю русского языка*» С. И. Ожегова 1992 года издания (с соавтором теперь для несчётного переиздания словаря: С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова) [3].

Словарь С. И. Ожегова, опытного лексикографа, участвовавшего в работах над академическими словарями русского языка, начиная со словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, наиболее оперативно, при многочисленных переизданиях при жизни самого автора, а затем при редактировании Н. Ю. Шведовой, откликается на фиксацию состояния русской лексики. А лексика ведь является самым подвижным уровнем языка: естественная динамика «*пополнение – сокращение*» в области лексики и фразеологии любого естественного языка неизбежна.

Итак, слово *зачитáть*. Мы постоянно слышим даже от вузовских преподавателей выражения типа «Зачитаю отрывок из "Евгения Онегина"...» Молодые люди и многие окружающие нас в разных аудиториях воспринимают это как норму, что и отмечено как будто и в словарной статье *зачитáть* без всякой пометы в названном словаре, причём первым значением: **1.** *Прочитать вслух для всеобщего сведения* (?) – с иллюстрацией, к счастью, только так называемого «*канцелярита*»: «*Зачитáть резолюцию*» [3, с. 229]. Почему это «не нравится» многим старшим членам общества? Постараемся внимательнее, зная принципы организации материала именно в данном словаре (в деталях могут быть особенности!), познакомиться со словарной статьёй и, если надо, с однокоренными лексемами.

Следующие два значения у *зачитáть*, причём с пометой «разг.[оворное]»: 2. *Взяв (книгу, журнал) для прочтения, не возвратит*»; 3. *Истрепать (книгу, журнал) в результате длительного, неоднократного чтения*» [3, с. 229]. Эти значения очень непривлекательны по называемым реалиям; помета «разг.» свидетельствует, что слово с такими значениями находится на периферии литературного языка. Подчеркнём – напомним, что иллюстрация первого значения почему-то относит действие «зачитáть» к официальным бумагам, не к поэзии, например...

Кроме того, глагол *зачитáть* совершенного вида, а какой глагол несовершенного вида составит параллель к данному глаголу?

Надо знать, что используемый словарь теперь построен по «полугнездовому принципу» организации словарной статьи (т. е. учитывает не разные слова того же корня, а только «*по такой необходимости*»), какой и является противоположный вид к заголовочному слову. И в этой статье обнаруживаем: *зачítывать* сов. к *зачитáть*. Не *читáть*, [1] что можно ожидать. И всё-таки поиск заставит найти и словарную статью *читáть*, когда хочешь убедиться и понять, прав ли ты, что тебе не нравится, когда предлагают слово докладчику, чтецу поэзии, прозы со сцены *зачитáть*.

И находим словарную статью *читáть* – глагол несовершенного вида в значении – ‘*произносить, декламировать какой-нибудь текст*’ (это то, что нам требуется!) [3, с. 919], а параллелями к этому слову являются два однокоренных глагола *прочéсть*, *прочитáть* совершенного вида (но не *зачитáть*!). Характер чтения (подготовленность, выразительность, чёткость!) требует помнить, что в таких случаях важно использовать русские слова *прочитáть* (нейтральное, более употребительное) или *прочéсть* (более «книжное»). Выбор из этих двух глаголов – личное желание говорящего.

Обратимся ко 2-му указанному нами явлению из области динамики современной лексики. Мы слышим некоторые знакомые иностранные слова, ставшие как будто необходимыми кому-то (мы говорим о старых заимствованиях из древних классических языков или из широко распространённых европейских).

Однако почему-то не понимаем, о чём речь. Для меня, например, недавно таким словом стало название – существительное **конференция** по отношению к спорту. Почему? Воспринимаешь звучание сначала через общераспространённое значение у слова: *‘большое собрание, совещание представителей каких-нибудь государств, организаций, групп’* [3, с. 299]. Удивляешься: неужели график жизни, например, футболистов может позволить ещё и такое мероприятие? Пока не удалось нигде найти официальное разъяснение. Но структура слова с этимологической классической, древней приставкой **кон-** соответствует в славянских (и в русском) языках *с-/со-* (индоевропейского происхождения) для передачи смысла *‘вместе, воедино, совместно’*. Значит, решаешь: вероятно, речь идёт о встречах с соответствующими противниками на футбольном поле (раз на что-то сверх профессиональной деятельности нет времени у этих спортсменов). Так ли?

Судя по многим контекстам с указанным новым значением у слова на радио, хочется думать, что это так. И постепенно этот *семантический неологизм* понравился.

Период подготовки к Ганзейским дням 2019 года в Пскове «обогатил» нас «усилиями» отвечающих за расклад всех событий, мероприятий таким количеством странных слов, что это составит теперь основу следующей статьи: о бесполезности и даже вреде подобных новшеств по многим основаниям (это 1-е явление, особенно распространённое). Приведу только два примера, из которых один далеко не сразу удалось понять, а другой очень многими и мною так и остался непонятым, хотя кто-то из участников «ганзейских» событий был свидетелем мероприятий с таким названием. Но сохранились справедливые вопросы: зачем такое «засорение» языка и несостоявшаяся коммуникация?! В угоду чему и кому?

Первое из слов (**архитектура**) по своим «качествам» и пути расшифровки только при наглядном «художестве» для передачи планируемого порядка мероприятий в цветовом изображении можно, подумав, «присоединить» к слову **конференция** (см. рассмотренное 3-е явление). А **архитектура** – это ключевое слово для передачи окружающим необходимых сведений о мероприятиях: это передаётся словом **архитектура** в сочетании с

существительным в родительном падеже. И каждый фрагмент с такими словосочетаниями окрашен в соответствующий цвет. Но и приём цвета не помогает быстро ориентироваться в предложённом, а запутывает и отвлекает. В конце концов, многие из получивших такое послание-«творчество» пытались обратиться к более экономному и информативному «переводу» сообщения.

Второе слово – *панельный* (?): в сочетаниях со словами типа *заседание, доклад, дискуссия* сопровождалось горьким смехом участников, собиравшихся в «орбиту» *«панельности»* (двусмысленность!). Зачем потребовалось такое слово? Чем отличается *«панельное заседание»* от заседаний с соответствующими привычными определениями?

Не ставя больше никаких вопросов по названной теме доклада-статьи, подчеркнём: нам особенно хотелось *«поговорить»* с таким специалистом публикаций, выступлений, исследований, посвящённых судьбе русского языка в современный период нашей действительности. Для этого часто обращаюсь к интересной и полезной книге *«Русский язык на грани нервного срыва. 3D»* [2].

Справедливо одно из ключевых мнений автора: *«Мир вокруг нас стремительно меняется, и язык меняется вместе с ним»* [2, Аннотация] (вспомним учение Ф. де Соссюра о *«внешней лингвистике»*).

В качестве заключения приведём и замечательное небольшое *«Послесловие»* М. Крауза к названной книге – неравнодушного автора. Оно соответствует и позиции лингвиста. Автор тактично учит видеть происходящее реально. Вдохновляюще звучит заключительное утверждение первого абзаца: *«Слухи о скорой смерти русского языка сильно преувеличены»*. Во втором абзаце намечен путь защиты и сохранения русского языка. Итак, удивительно небольшого размера *«Послесловие»*, но наполненное глубоким содержанием:

«Я писал эту книжку не потому, что русский язык находится на грани нервного срыва. Переживаем и нервничаем мы сами, и, наверное, это правильно. Только не надо переходить ту самую грань. Слухи о смерти русского языка сильно преувеличены».

И всё-таки о русском языке надо беспокоиться. Но главное – на нём надо говорить, писать и читать. Чего я всем и желаю» [2, с. 417].

Важно знать и помнить, что русский язык, как любой язык, не может погибнуть и в трудных нынешних условиях: гибель языка наступает только при уходе из жизни последнего его носителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М. : Просвещение, 1978.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М. : Астрель: CORPUS, 2012.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1992.
4. Правила русской орфографии и пунктуации. М. : Учпедгиз, 1956.
5. Правила русской орфографии и пунктуации : полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М. : Эксмо, 2006.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. М. : Прогресс, 1977. С. 31-273.